

ЕКАТЕРИНА ВОЖИК
(Санкт-Петербург)

«...ПОКАЗАТЬ СЕБЯ ЛЮДЯМ ХОЧУ!»:
*«Я» в корпусе критических статей Н. А. Добролюбова**

Статья посвящена особенностям употребления местоимения «я» в рецензиях и критических обзорах Н. А. Добролюбова. В исследовании указывается на связь различных форм «я»-повествования с представлением автора о значении писательского имени и роли критика, а также высказывается предположение о причинах интереса Добролюбова к экспликации личности повествователя.

Ключевые слова: Н. А. Добролюбов, «Современник», стратегии письма, писательское имя, роль критика, фельетон.

Информация об авторе: Екатерина Игоревна Вожик, ИРЛИ РАН, аспирант и младший научный сотрудник. Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: e.vozhik@yandex.ru

“Willing to Stand Up”
“I” in Nikolai Dobroliubov’s articles

The article discusses the use of the pronoun «I» in Nikolai Dobroliubov’s critical reviews. The study points out the connection between various forms of self-narration and the way the author understands the literary name and the role of the critic; it is also suggested why Dobroliubov was interested in the explication of the narrator’s personality.

Key words: Nikolai Dobroliubov, «Sovremennik», techniques of writing, author’s name, critic’s role, feuilleton.

About the author: Ekaterina Vozhik, The Institute of Russian Literature, RAS, PhD Student, Junior Research Fellow. Saint Petersburg, Russia.

E-mail: e.vozhik@yandex.ru

DOI 10.48612/sum-2022-18-3-4-278-297

Последняя появившаяся в печати статья Н. А. Добролюбова, посвященная героям ранних произведений Ф. М. Достоевского, завершается такими словами:

* За помощь в работе над статьей я сердечно благодарю А. Ю. Балакина, К. Ю. Зубкова и Б. В. Орехова.

Так, стало быть, положение этих несчастных, забитых, униженных и оскорбленных людей совсем безвыходно? <...> Не знаю, может быть, есть выход; но едва ли литература может указать его; во всяком случае, вы были бы наивны, читатель, если бы ожидали от меня подробных разъяснений по этому предмету. Пробовал я когда-то начинать подобные объяснения, но никогда не доходили они как следует до своего назначения. Теперь уж и писать не стану (VII, 274).¹

Констатируя безвыходность положения «забитых людей», художественно осмысленных Достоевским, Добролюбов фактически признается в своей неспособности предложить решение, которое позволило бы облегчить их участь. На первый взгляд, подобного рода риторические ламентации вполне соотносятся с жанром критической статьи; вместе с тем внимательного читателя Добролюбова не может не насторожить безнадежность, звучащая в словах литератора.

Биограф Добролюбова А. В. Вдовин, комментируя финал процитированной выше статьи, указывает, что критик, склонный давать оптимистические прогнозы литературе и общественной жизни, здесь словно бы «отказывается от своих прежних принципов и отдается течению жизни».² По мнению исследователя, Добролюбову тем самым удастся преодолеть фундаментальное логическое противоречие, лежащее в основе его программных статей, — противоречие «между истолкованиями феномена литературы как отражения реальности и как способа ее преобразования».³

Представляется, что идеологический поворот, совершаемый Добролюбовым в статье «Забитые люди», — не единственная ее примечательная особенность. Обращает на себя внимание также повествовательная манера, нехарактерная для большинства критических работ автора: он апеллирует к собственному мнению, используя местоимение «я» вместо традиционного «мы». За словом «большинство» стоят вполне конкретные числа: из 191 статьи, подготовленной Добролюбовым для

¹ Здесь и далее сочинения Добролюбова цитируются по изданию: *Добролюбов Н. А.* Собр. соч.: В 9 т. М.; Л., 1961–1964. В скобках указываются номера тома и страницы.

² *Вдовин А. В.* Добролюбов: Разночинец между духом и плотью. М., 2017. С. 228.

³ Там же.

публикации в «Современнике» с 1856 по 1861 год, только около 15 написаны от лица «я»-повествователя, эксплицирующего свое существование на протяжении всего изложения.¹

Подсчеты были произведены по результатам последовательного прочтения статей Добролюбова, печатавшихся в «Современнике» или предназначавшихся для этого, — по их публикациям в журнале, а также по наиболее полному изданию сочинений литератора (М.; Л., 1961–1964). Фельетоны и стихи, написанные для «Свистка», сатирического приложения к журналу, не приобщались мной к основному корпусу статей Добролюбова: это решение обусловлено тем, что «Современник» и «Свисток» имеют разную прагматику. Точное количество статей, в которых регулярно встречается «я», соотносящееся с личностью повествователя Добролюбова, установить затруднительно: в некоторых случаях критик не отдает явного предпочтения тому или иному местоимению или выбирает безличный модус повествования (см., например, рецензию «Казачьи досуги. Стихотворения А. Туроверова» (1859)). Чаще всего местоимение «я» появляется у Добролюбова в жанре рецензии или критического обзора литературы — все случаи такого рода перечислены в **Приложении** к статье.²

Более характерно для Добролюбова спорадическое появление «я» при последовательном использовании местоимения «мы» (например, в статье «О степени участия народности в развитии русской литературы» (1858) и др.). Подобные неожиданные и не мотивированные содержанием статьи «сбои» в манере повествования в этом исследовании рассматривать-

¹ В этой статье используется нарратологическая терминология, которая обычно применяется для анализа художественных произведений (см. например: *Шмид В.* Нарратология. М., 2003), — за неимением специальных терминов, называющих лицо, от имени которого ведется повествование в критической статье. Тем не менее разницу между повествователем в фикциональном и нефикциональном сочинении учитывать необходимо. Выявлению различий между этими двумя типами повествовательных инстанций может и должно быть посвящено отдельное исследование.

² Статей с эксплицированным «я»-повествователем, написанных в других жанрах, у Добролюбова несколько меньше: это «Собеседник любителей русского слова» (1856), «Уличные листки» (1858), «Впечатления Украины и Севастополя» (1859), «Из Турина» (1861), «Жизнь и смерть графа Камилло Бензо Кавура» (1861), «От дождя да в воду» (1861) и «Внутреннее обозрение» (1861).

ся не будут. В статьях Добролюбова встречается также местоимение «я» в обобщенно-личном значении, апеллирующее не к частному мнению пишущего, а к опыту человека вообще: «Если самым моим рождением судьба хотела *обязать* меня быть профессором и академиком, зачем она дала мне родиться в архангельской деревушке, в крестьянском семействе, где я до двадцати лет едва мог читать выучиться?» (III, 227).¹ Такие случаи здесь также не анализируются.

К еще более показательным выводам позволяет прийти рассмотрение случая Добролюбова в контексте публикационной деятельности «Современника». Учитывая, что в журнале печатались произведения разных жанров, не всегда легко отличимых друг от друга даже в пределах одной классификации, я сосредотачиваю свое внимание только на рецензиях и критических статьях о литературе и не беру в расчет, например, близкие им в жанровом отношении полемические отклики сотрудников «Современника» на суждения, высказанные в текущей журнальной полемике.

Выделение в отдельную группу статей, посвященных недавно вышедшим литературным произведениям, предполагается и самой структурой журнала. В 1856–1858 годах рецензии публиковались в отделах «Критика» и «Библиография»,² а с 1859 года вошли в состав «Современного обозрения». Хотя в этот отдел могли помещаться любые произведения, имевшие нефикциональную природу, жанровую дифференциацию позволяет провести учет внутренних заголовков, под которыми печатались рецензии и концептуальные статьи о литературе («Иностранная литература», «Русская литература» и «Новые книги»).³

Предполагая, что нельзя исключать возможности влияния добролюбовской манеры повествования на технику письма, к которой обращались его коллеги, я ограничиваю диапазон рассматриваемых мной статей без малого десятью годами существования «Современника»: нижняя временная

¹ Здесь и далее курсив автора.

² В 1858 году эти разделы были объединены под общим заголовком «Критика и библиография».

³ В ходе этой работы я также ориентировалась на указатель содержания «Современника», составленный В. Э. Боградом. Тем не менее исследователь отражает здесь только названия отделов и не фиксирует внутренние заголовки.

граница соотносится с первым появлением Добролюбова на страницах журнала (1856), верхняя — с окончательным его закрытием (1866).

По прочтении всех соответствующих этим критериям отбора произведений выясняется, что с 1856 по 1866 год в «Современнике» было опубликовано около 700 рецензий и критических статей, посвященных литературе. Среди них не более 17 (около 2%) написаны с регулярным использованием местоимения «я», при этом половина из этих статей принадлежит перу Добролюбова.¹

Таким образом, прямое высказывание от лица «я» крайне нехарактерно для жанра критического отклика на литературное произведение — по крайней мере тех его образцов, которые публиковались в «Современнике». Вместе с тем использование такой риторики в статьях Добролюбова следует, вероятно, расценивать не как случайное отклонение от нормы, а как литературный прием, используемый для достижения определенных целей. Небезосновательность этого предположения убедительно демонстрирует исследование К. Ключкина, указавшего на связь между идеологией критиков радикального направления и используемой ими риторикой, которая ориентирована на обыденный, переживаемый на физиологическом уровне опыт.²

Некоторыми учеными не раз высказывалась мысль о том, что в литературе и журналистике «мрачного» семилетия, и особенно пореформенного периода, вырастает ценность «искреннего» высказывания, ориентированного на личность говорящего или пишущего и его представления о мире, в то время как суждения, фиксирующие «объективную» данность или «общее» мнение (*common knowledge*), все чаще подвергаются сомнению.³ Как кажется, анализ конкретных языковых средств — в частности личных местоимений — исполь-

¹ Список статей, в которых фигурирует эксплицированный «я»-повествователь, представлен в **Приложении**.

² *Klioutchkine K.* Between Ideology and Desire: Rhetoric of the Self in the Works of Nikolai Chernyshevskii and Nikolai Dobroliubov // *Slavic Review*. 2009. Vol. 68. No. 2. P. 336.

³ См., напр.: *Зыкова Г. В.* Поэтика русского журнала 1830-х–1870-х гг. М., 2005. С. 87–89.

зуемых теми или иными представителями эпохи, позволил бы придать этой мысли большую материальность.

Став постоянным сотрудником «Современника» в 1857 году, Добролюбов мучительно переживал свое обезличенное присутствие на страницах журнала. В письме давней знакомой по Нижнему Новгороду Е. Н. Пещуровой от 7 мая 1858 года, отвечая на вопрос о том, под каким именем печатаются его статьи, он с горечью говорит:

Увы! На них нет имени... Я вовсе не состою в ряду писателей, приобретающих себе имя. Я принадлежу к тому безыменному легиону, на котором лежит черная журнальная работа, безвестная для публики. Я из числа тех, которые поставляют в журналы балласт, никогда и никем даже не разрезаемый, не только не читаемый (IX, 304).

По словам М. С. Макеева, литературное, писательское имя «является одним из главных объектов литературной экономики, основой взаимоотношений между издателем и писателем, влияющим на размеры гонораров, желание издателей публиковать или не публиковать тексты, им подписанные».¹ Наличие узнаваемого имени или псевдонима не только выделяет писателя из числа журнальных «пролетариев», обеспечивая ему признание, но и является необходимым условием его финансового благополучия. Подавляющее большинство статей Добролюбова, публиковавшихся в «Современнике», оставалось анонимными. Псевдоним «Н. —бов», который, как принято считать, сделал критика известным, появлялся в подписи к его статьям крайне редко,² а потому при жизни

¹ Макеев М. С. Николай Некрасов: Поэт и предприниматель (очерки о взаимодействии литературы и экономики). М., 2008. С. 37.

² Подпись «—бов» проставлена под статьями «О степени участия народности в развитии русской литературы» (1858), «Николай Владимирович Станкевич» (1858), «Первые годы царствования Петра Великого» (1858), «Русская цивилизация, сочиненная г. Жеребцовым» (1858), «Литературные мелочи прошлого года» (1859), «Новый кодекс русской практической мудрости. Е. Дыммана» (1859); подпись «Н. —бов» Добролюбов использует в статьях «Что такое обломовщина?» (1859), «Темное царство» (1859), «Всероссийские иллюзии, разрушаемые розгами» (1860), «Черты для характеристики русского простонародья» (1860), «Луч света в темном царстве» (1860), «От дождя да в воду» (1861). Во всех этих статьях автор в разговоре о своем повествователе использует местоимение «мы».

Добролюбова едва ли мог становиться полноценным эквивалентом символического и материального капитала.

По всей видимости, не менее тяготился Добролюбов однообразием и рутинностью работы с жанром рецензии. В письме С. Т. Славутинскому от 14 декабря 1858 года он извиняется перед адресатом за «важный», «резонерский» тон послания и объясняет это тем, что ему «мешает говорить как следует» «проклятая привычка писать рецензии» (IX, 339).

Вместе с тем получив от А. П. Златовратского упреки в непостоянстве убеждений и непоследовательности, уязвленный Добролюбов предлагает приятелю познакомиться с его рецензиями, в которых, как ему кажется, ясно изложена система его взглядов и которые (выгодно?) отличаются от других статей «Современника»:

Прочти последовательно и внимательно всю критику и библиографию нынешнего года, всю написанную мною (исключая статьи Костомарова в первой книжке), да статью о Щедрина в прошлом годе, в декабре, да библиографию прошлого года с сентября в «Современнике». Там тоже почти все писано мною, исключая трех или четырех рецензий, которые нетрудно отличить (IX, 305–306).

Можно предположить, что анонимность выполняемой Добролюбовым работы, а также стремление разнообразить свои литературные занятия приводили его к попыткам выработать не только собственную систему ценностей, но и уникальный стиль изложения; этим, вероятно, и могут быть обусловлены эксперименты критика с формами «я»-повествования.

Примечательно, что в корпусе критических работ Добролюбова можно найти фиксацию его собственного представления о «нормальном» функционировании местоимений «я» и «мы» в журнальных статьях. В заметке «Однажды, кажется в „Москвитяине“...» (1861) Добролюбов рассуждает о засилье слова «мы», первоначальное значение которого постепенно стирается с умножением числа его употреблений:

Да кто же это *мы*? Каждый человек, отвечая за собственный поступок, говорит: *я*. «*Мы*» — говорят о себе неопытные фельетонисты, которым еще как-то неловко сунуться на свет божий с собственной личностью, да говорят так еще

журналисты, когда слова их относятся ко всей редакции журнала (VII, 277).

Насмешка Добролюбова связана с противоречием между конкретикой личных обвинений, предъявляемых обозревателем «Отечественных записок» своему оппоненту, и полной безымянностью пишущего, который, скрываясь за местоимением «мы», словно бы снимает с себя всякую ответственность за свое высказывание. Это рассуждение ценно тем, что оно демонстрирует внимание критика к способам экспликации личности повествователя и указывает на его представление о нетождественности отдельного сотрудника редакции и журнала в целом.

Из процитированной выше заметки выводятся две возможности использования местоимения «я»: в фельетоне, жанр которого предполагает особое внимание к личности пишущего, а также в журнальной статье, где высказывается мнение, необязательно соотносящееся с позицией редакции. Пример такого использования дает одна из первых опубликованных в «Современнике» статей, посвященная «Собеседнику любителей русского слова» (1856). Она была написана от имени Лайбова — молодого автора, только начинающего путь в литературе, — и помещена в отделе «Науки и искусства», где ранее публиковались строго выдержанные в научном стиле работы крупных ученых (например, Н. И. Костомарова или А. Н. Пыпина):¹

Уважаю я труд библиографа, знаю, что и для него нужно некоторое приготовление, предварительные знания, как для почтальона нужно знание городских улиц; но позволите же мне более уважать критика, который дает нам верную, полную, всестороннюю оценку писателя или произведения, который произносит новое слово в науке или искусстве, который распространяет в обществе светлый взгляд, истинные, благородные убеждения (I, 184).

Несмотря на вполне серьезный тон статьи Добролюбова, выбранный им псевдоним допускает ироническое прочтение:

¹ Костомаров, как правило, публиковал статьи под собственным именем, в то время как Пыпин предпочитал буквенные сокращения от своей фамилии («П—н»).

корень «лай» недвусмысленно намекает на то, что сочинитель уподобляется лающему псу (ср. «лаяться», «собака лает — ветер носит» и т. д.). Таким образом, тонкая нюансировка смыслов, кроющихся в раннем псевдониме Добролюбова, начинает медленно сдвигать норму, меняя общую интонацию журнала. О том, что появление на страницах «Современника» псевдонима Лайбов осмыслялось именно как выход за пределы нормы, может также свидетельствовать то, что Добролюбов впоследствии отказывается от этого имени, заменяя его усеченным «—бов» («Н. —бов»).

Поиски своей интонации и новых способов самопроявления Добролюбов продолжает уже в ходе работы над статьями для отдела «Библиография», который осенью 1857 года фактически полностью переходит в его ведение.¹ В девятом номере журнала критик, откровенно высмеивая авторов разбираемых им сочинений, добивается дополнительного комического эффекта за счет соположения на одной странице двух разных манер письма. Так, в статье о стихотворениях А. И. Полежаева, избобилующей поэтическими штампами, последовательно использовано «мы», в то время как в рецензии на книгу профессора всеобщей истории Александровского лицея В. М. Ведрова «Поход афинян в Сицилию и осада Сиракуз» Добролюбов конструирует «я» бывшего семинариста, увлекающего читателей беседой о школьных воспоминаниях:

Я предполагаю, что вы учились в какой-нибудь школе, мой читатель, и потому хочу разбудить в вас воспоминание о древних классических проделках, которое невольно рождается в каждом прошедшем гимназический курс при самом беглом обзоре книги г. Ведрова (II, 53).

Статья о сочинении Ведрова примечательна не только фигурой болтливой повествователя — здесь также явно эксплицировано существование читателя, на плечи которого в конце концов и перекладывается отведенная жанру рецензии обязанность давать книге оценку: «...вы можете сами судить, что это за книжка; школьные воспоминания, может быть, дополнят вам то, что нами недосказано» (II, 57). Тем

¹ См.: *Вдовин А. В.* Добролюбов. С. 123.

более комично выглядит следующая статья П. П. Пекарского, воспроизводящая традиционную для «Современника» интонацию обезличенного изложения: «„Современник“ не раз высказывал мнение о необходимости переводов на русский язык сказаний иностранцев о России...» и т. д.¹

Подобным образом Добролюбов остроумно «разоблачает» авторов разбираемых им сочинений в статьях «Применение железных дорог к защите материка...», «О торфе и его добычании во Франции...», «Френология» и «Об истинности понятий или достоверности человеческих знаний», опубликованных в «Современнике» в 1858 году. Появление этих статей в контексте библиографического отдела всякий раз производит впечатление неожиданности: так, ничем не мотивируется переход от безличного повествования к изложению от лица «я», а отсутствие подписи под статьями, в которых фигурирует ярко выраженный повествователь, ведет к образованию логического противоречия. Неслучайно поэтому, что такого рода эксперименты критик осуществляет не в больших программных статьях, а в рецензиях, находящихся на периферии внимания потенциального читателя.

Выпуски «Современника» за 1859–1860 годы почти не дают образцов слома жанра: в это время Добролюбов принимает активное участие в издании сатирического «Свистка». Тогда же в жизни литератора происходят и другие значимые события, меняющие его представление о роли критика. Так, известно, что он все больше вовлекается во внутренние дела «Современника», в определенный момент даже принимая на себя руководство им.² Не менее важную роль в трансформации Добролюбова, как кажется, сыграла и победа над И. С. Тургеневым в конфликте, развернувшемся внутри редакции в 1860 году. Эти обстоятельства, насколько можно судить, позволили Добролюбову ощутить большую самостоятельность, отойти от навязчивых размышлений о своей литературной репутации и сместить фокус внимания на проблемы иного рода.

¹ <Пекарский П. П.> Дневник камер-юнкера Берхгольца. Пер. с нем. И. Аммон. Часть первая. // Современник. 1857. № 9. Отд. IV. С. 12.

² См.: Вдовин А. В. Добролюбов. С. 128.

В статьях 1861 года снова появляется «я», на этот раз редко уступающее позиции местоимению «мы». Важнее, однако, что «я» соотносится у Добролюбова уже не с сатирическим повествователем и используется не только для придания остроты тону высказывания. Один из замечательных примеров «серьезного» использования «я» дает цитируемая выше статья «Забитые люди». Она является ответом на статью Достоевского «Г-н — бов и вопрос об искусстве» (1861), посвященную вопросу литературной художественности, которая, по мнению писателя, была неверно понята и недооценена Добролюбовым при анализе рассказов М. А. Вилинской, опубликованной под псевдонимом Марко Вовчок.

Добролюбов начинает как остроумный сатирик: его задача — защитить уязвленного Достоевским г-на — бова. Так, критик указывает, что важность поднимаемого его оппонентом вопроса об искусстве несоизмерима с величиной таланта писателя, на примере которого разбирается этот вопрос. При первом приближении он имеет в виду Вилинскую, однако сравнение современных русских сочинителей с учеником, допустившим ошибку в простом уравнении (VII, 227), показывает, что объектом его насмешки является сам Достоевский.

Постепенно тон Добролюбова становится все серьезнее, преследуемая им цель начинает трансформироваться и он, отталкиваясь от анализа ранних сочинений Достоевского, пускается в рассуждения о причинах социального неравенства, которое, по мнению критика, неистребимо даже в современном мире с его набирающей силу автономией личности. Позволю себе пространную цитату, в которой разворачивается этот важный для понимания мысли Добролюбова побочный сюжет статьи:

Говорят, отрадно человеку иметь за собою кого-нибудь, кто о нем заботится, за него думает и решает, всю его жизнь, все его поступки и даже мысли устроивает. <...> Но едва ли это мнение может найти себе оправдание в тенденциях современных обществ. <...> Не касаясь других сфер, недоступных в настоящее время нашему описанию, возьмем хотя литературу. То ли она представляет теперь, что за полвека назад? С одной стороны, литература в своем кругу — лицо самостоятельное, не ищущее милостивцев и не нуждающееся в них; только иногда, очень редко,

какой-нибудь стихотворец пришлет из далекой провинции журнальному сотруднику водянистые стишки, с просьбой о *протекции* для помещения их в таком-то журнале. <...> С другой стороны, посмотрите и на отношение публики к литературе: недоступных пьедесталов уж нет, непогрешимые авторитеты не признаются, мнение, что «уж, конечно, это верх совершенства, если написано таким-то», вы едва ли часто услышите; а отзыв, что «это прекрасно потому, что таким-то одобрено» — вероятно, еще реже. Всякий, худо ли, хорошо ли, старается судить сам, пускать в ход собственный разум... (VII, 264–265)

Среди прочего Добролюбов останавливается на вопросе о символическом статусе критика, утверждая, что его имя, являющееся эквивалентом авторитета, больше не имеет для читающей публики ценности. Неслучайно поэтому остается в прошлом практика поисков именитого покровителя, чье слово имеет вес в литературном сообществе.

Фактически Добролюбов указывает, что критик постепенно выходит из роли носителя нормативной точки зрения, дающего «верную, полную, всестороннюю оценку писателя или произведения» (I, 184), — и в то же время сохраняет за собой право свободно судить о литературе. Потому-то «я», появляющееся в статье, не манифестируется и не маркируется специально, как это было в более ранней сатирической прозе. Это «я» человека, в полной мере несущего ответственность за свои слова и потому рассчитывающего на внимание публики. Вероятно, наличие подписи под статьей Добролюбова и является знаком этого по-новому понимаемого авторитета.

Как может быть интерпретирован интерес Добролюбова к конструированию фигуры эксплицированного повествователя в критических статьях? На мой взгляд, для ответа на этот вопрос обращения к конкретным биографическим обстоятельствам оказывается отнюдь не достаточно. Так, случай Добролюбова может быть рассмотрен с учетом того, как были устроены читательские стратегии литератора, — в контексте набирающих популярность писательских тенденций.

Реестр прочитанных Добролюбовым книг свидетельствует о том, что читал он много и без разбору, а наиболее высокой оценки и развернутого комментария у него достаивались

романы писателей второго и третьего рядов, написанные живым и бойким языком с целью увлечь читателя.¹ Вероятно, этими же качествами для Добролюбова оказывается интересен жанр фельетона. Так, еще в юношестве он останавливает внимание на фельетонах И. И. Панаева о Новом Поэте и делает дневниковые записи об отдельных понравившихся ему произведениях. Хотя Добролюбов не во всем согласен с фельетонистом и то и дело ловит его на незнании тех или иных фактов, он, по-видимому, считает Панаева одним из главных выразителей идей редакции «Современника» (VIII, 596–597).

Безусловно, утверждение, что статьи Добролюбова были инспирированы фельетонами Панаева, предельно упростило бы представление о природе экспериментов критика с формами экспликации «я» повествователя. Вместе с тем невозможно не указать на исключительную популярность жанра фельетона, получившего широкое распространение в 1850-е годы, и влияние фельетонной манеры письма. Исследователь немецкой критической традиции Р. А. Берман устанавливает связь между изменениями повествовательных стратегий и трансформацией представления о роли критика во второй половине XIX века. Он показывает, как в работах П. Линдау, Т. Фонтане и других авторов происходит постепенный отказ от безличного повествования и приверженности абстрактным категориям в пользу того, что исследователь называет «субъективным фельетонизмом» (*subjective feuilletonism*). Отличительной особенностью этого писательского модуса становится принципиальное неразличение «высокого» и «низкого» и обусловленное им утверждение равенства любого опыта. Распространение «субъективного фельетонизма», по мнению Бермана, способствовало становлению независимости критика и позволило литературе и журналистике приобщиться к социально-историческому контексту, воспринимаемому в личном опыте пишущего.²

¹ См.: Митропольский А. С. «Реэстр книг, читанных мною...»: Круг чтения Н. А. Добролюбова 1849–1853 гг. и первые литературные опыты. Нижний Новгород, 1991.

² *Berman Russell A. Between Fontane and Tucholsky: Literary Criticism and The Public Sphere in Imperial Germany. New York; Berne; Frankfurt on the Main, 1983. P. 29–31.*

Свойственное фельетону отсутствие центральных сюжетной линии и предмета описания нередко осмыслялось современниками как неизбирательность, неумение выделить главное, чрезмерная детализированность повествования.¹ Вместе с тем особая эстетическая и идеологическая позиция фельетониста имеет множество преимуществ. Подробности, которыми насыщены фельетоны и произведения, ощутившие на себе их влияние, объединяются в единый сюжет личностью сочинителя, проложившего направление своего взгляда и затем осуществившего отбор материала. Отсюда ориентация фельетониста на фигуру повествователя, по-новому выстраивающего разговор о самом себе и о читателе, который становится активным участником процесса рассуждения.

Фельетон находит себе верных последователей в редакции журнала «Современник». Добролюбов и сам не раз пробует себя в этом жанре, — в первую очередь, на страницах «Свистка». Однако элементы сатиры появлялись и в других произведениях критика и нередко, как показано выше, обуславливали появление местоимения «я», от имени которого велось повествование.

Можно предположить, что в «Современнике» царил особая атмосфера, располагающая к поиску наиболее адекватной формы выражения мысли. Об этом косвенно свидетельствует, например, то, что Добролюбов не позволял себе экспериментов с фигурой повествователя на страницах «Русского иллюстрированного альманаха» или «Журнала для воспитания», где также публиковал свои статьи.

С конца 1850-х и особенно в 1860-е годы в «Современнике» набирает силу тенденция подписывать концептуальные статьи реальным именем автора: одними из первых на этот путь вступают Н. Г. Чернышевский и М. А. Антонович, демонстрируя отсутствие принципиальной разницы между личностью пишущего и фигурирующим в его статьях повествователем. Случай Антоновича примечателен тем, что

¹ См.: *Вожик Е. И.* «Псевдореализм» и «дагерротипизм»: к вопросу о языке литературной критики рубежа 1840–1850-х гг. // *Текстология и историко-литературный процесс: VII Международная конференция молодых исследователей.* М., 2018. С. 62–76.

критик проходит путь, который незадолго до того был пройден Добролюбовым. Знаменитая статья «Асмодей нашего времени», опубликованная в третьем номере «Современника» за 1862 год, написана в безличной манере; последующие же сочинения («О духе „Времени“...», «Литературный кризис» и т. д.) дают образец качественно иного письма, ориентированного на индивидуальное восприятие литературного произведения. Указанием на читательский опыт частного человека начинается статья Антоновича о романах А. Ф. Писемского и И. С. Тургенева: «Наконец-то и я, уж должно быть решительно после всех, прочитал „Взбаламученное море“...».¹ В 1863 году происходит важная перемена интонации и в критических обзорах М. Е. Салтыкова-Щедрина. В четвертом номере «Современника» он публикует две рецензии, повествование в которых ведется от лица характерного «фельетонного» персонажа — остролова и шутника, свободно обращающегося со своим правом судить о литературе. Так, в рецензии на роман «Князь Серебряный» он передает это право некоему «отставному учителю», который, однако, не успевает закончить рукопись статьи, сраженный параличом.²

Фельетонная риторика у Добролюбова не обязательно предполагает наличие повествователя, вовлекающего читателя в увлекательную словесную игру, — анализ статьи «Забитые люди» показывает, что она также может соотноситься с отказом от претензий на абсолютное знание.

Подводя черту под изложенными выше рассуждениями, укажу на то, что было бы неправильно выводить строгие правила употребления местоимения «я» в статьях литераторов XIX века и рассматривать отклонения от этих правил как революционные преобразования. Так, мне бы не хотелось вслед за Тургеневым называть Добролюбова «литературным Робеспьером»,³ презревшим отлитые в бронзе правила письма. Вместе с тем анализ некоторых повествовательных

¹ Антонович М. А. Избранные статьи. Философия. Критика. Полемика. Л., 1938. С. 203.

² Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч.: В 20 т. М., 1966. Т. 5. С. 352.

³ Панаева А. Я. Воспоминания: Отрывки // Н. А. Добролюбов в воспоминаниях современников. М., 1986. С. 177.

техник, используемых критиком в ряде статей, показывает, что ему не были чужды эксперименты с экспликацией в тексте личности повествователя.

С одной стороны, эти особенности добролюбовского письма могут быть связаны со страстным желанием «показать себя людям» (VIII, 220), о котором литератор пишет в юношеском стихотворении «Стремление вперед». Мечты о карьере авторитетного критика и мучительное переживание собственной «безымянности» порождали самообвинительный дискурс, знакомый по письмам и дневникам Добролюбова,¹ и побуждали к поискам риторических приемов самовыражения. Чаще всего эти поиски заканчивались конструированием фигуры язвительного сатирика, утверждающего себя за счет насмешки над несостоятельным автором или неудачным литературным сочинением.

Однако со временем Добролюбову удается найти и другую интонацию в рассуждении от первого лица и объяснении своей точки зрения. В споре с Достоевским литератор впервые заговаривает от имени Н. — бова с использованием местоимения «я», словно бы срастаясь со своим литературным псевдонимом. Это «я» не обличителя, выносящего «объективную» оценку разбираемому произведению, но критика, который предлагает читателям один из возможных способов судить о книге и подписывается за свои слова. Добролюбовым движет все то же стремление «показать себя людям», которое теперь, однако, имеет другие основания.

С другой стороны, индивидуальные поиски способов самовыражения в случае Добролюбова включались в процесс развития языка прозы, которая все дальше уходила от строгой жанровой и стилистической дифференциации в сторону выражения частного переживания и уникальной манеры видения, идеальным воплощением которой становился жанр фельетона.

¹ Дневниковые записи Добролюбова анализируются в монографии: *Печерская Т. И.* Разночинцы шестидесятых годов XIX века: феномен самосознания в аспекте филологической герменевтики: мемуары, дневники, письма, беллетристика. Новосибирск, 1999. С. 61–95. Исследовательница останавливает внимание на языковых особенностях добролюбовского высказывания, характеризующих его разночинское сознание, и показывает, что критику было крайне свойственно стремление к «личностному самообнаружению».

Интересом Добролюбова к фельетону может быть обусловлено внимание к фигуре читателя, которого критик в некоторых статьях включает в процесс порождения интерпретации литературного произведения. Случай Добролюбова удачно описывается моделью работы литературного критика, которую разработал П. Хоэндал на основе работ Ю. Хабермаса о формировании публичной сферы в эпоху «нового времени». Так, можно сказать, что Добролюбов постепенно перераспределяет усилия, вкладываемые им в создание критического сочинения: продолжая работать на эстетическом и литературном уровнях, он уделяет особое внимание уровню коммуникативному, на котором осуществляется взаимодействие автора с другими участниками литературного процесса.¹

Как кажется, следующим шагом в рассуждении о проблеме «я»-повествования у Добролюбова должно стать установление связи между личностью самого автора и фигурой созданного им повествователя. Сделать это позволил бы анализ особенностей употребления местоимения «я» в произведениях других жанров, с которыми работал Добролюбов. Особенно продуктивно в этом смысле обращение к жанру дневника. И. Паперно, а вслед за ней К. Ключкин продемонстрировали, что Чернышевский и Добролюбов отрабатывали в дневниковых записях различные писательские стратегии и впоследствии применяли выработанные техники повествования в своей собственной жизни, наделяя ее всеми качествами «литературности».² Не последнюю роль в том, что дневник был для Добролюбова инструментом самопознания и совершенствования писательских навыков, сыграло сословное происхождение литератора. Как показала Л. Манчестер, выходцам из духовенства были в высшей степени свойственны такие качества, как внимание к собственной внутренней жизни и вера в онтологическую природу слова.³

Комплексное рассмотрение всех случаев появления «я» у Добролюбова — и в функции риторического приема,

¹ Hohendahl P. U. The Institution of Criticism. Ithaca, 1982.

² Паперно И. Семиотика поведения: Николай Чернышевский — человек эпохи реализма. М., 1996; Klioutchkine K. Between Ideology and Desire.

³ Манчестер Л. Поповичи в миру: духовенство, интеллигенция и становление современного самосознания в России. М., 2015.

и в качестве непосредственного указания на личность пишущего — дало бы возможность выяснить, как критик определял свое «я» и его границы и как соотносил создаваемых им персонажей с самим собой.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Список рецензий и критических обзоров литературы, написанных от лица эксплицированного «я» повествователя («Современник»: отделы «Критика», «Библиография», «Современное обозрение»; подразделы «Иностранная литература», «Русская литература», «Новые книги»; 1856–1866)

Автор	Название	Подпись	Год
Н. А. Добролюбов	Поход афинян в Сицилию и осада Сиракуз. Соч. В. Ведрова. <...>.	Нет	1857
Н. А. Добролюбов	Заволжская часть Макарьевского уезда Нижегородской губернии. Соч. гр. Н. С. Толстого. <...>.	Нет	1857
Н. А. Добролюбов	Применение железных дорог к защите материка. Инж.-полк. Лебедева З. <...>.	Нет	1858
Н. А. Добролюбов	О торфе и его добывании во Франции. Сочинение Б. Шмидта. <...>.	Нет	1858
Н. А. Добролюбов	Френология. Соч. М. Волкова. <...> Отрывки из заграничных писем (1844–1848). М. Волкова. <...>.	Нет	1858
Н. А. Добролюбов	Об истинности понятий или достоверности человеческих знаний. Соч. А. Кусакова. <...>.	Нет	1858
Н. А. Добролюбов	Казачьи досуги. Стихотворения А. Туроверова. <...>.	Нет	1859
Г. З. Елисеев	О календарях. <...>.	Грыцько	1859
Н. А. Добролюбов	Забитые люди <...>.	Н. —бов	1861
М. А. Антонович	О духе «Времени» и о г. Косиц., как наилучшем его выражении.	М. Антонович	1862
М. А. Антонович	Литературный кризис.	М. Антонович	1863

Продолжение таблицы

Автор	Название	Подпись	Год
М. Е. Салтыков-Щедрин	Несколько серьезных слов по случаю серьезных событий в С.-Петербурге. Соч. М. Беницкого <...>. Заметки и отзывы. <...>.	Нет	1863
М. Е. Салтыков-Щедрин	Князь Серебряный. <...>. Соч. гр. А. К. Толстого. <...>	Нет	1863
М. А. Антонович	«Московские ведомости» и «Голос».	Нет	1864
М. А. Антонович	Исторический очерк жизни Вашингтона. Соч. Гизо. <...>.	Нет	1864
М. А. Антонович	Сочинения Платона, пер. с греч. <...> Карповым. <...>.	Нет	1864
М. А. Антонович	Современные романы. Взбаламученное море. Роман в шести частях. А. Ф. Писемского. <...>.	М.Антонович	1864

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Боград В. Э.* Журнал «Современник». 1847–1866: Указатель содержания. М.; Л., 1859.
2. *Вдовин А. В.* Добролюбов: Разночинец между духом и плотью. М., 2017.
3. *Вожик Е. И.* «Псевдореализм» и «дагерротипизм»: к вопросу о языке литературной критики рубежа 1840–1850-х гг. // Текстология и историко-литературный процесс: VII Международная конференция молодых исследователей. М., 2018. С. 62–76.
4. *Зыкова Г. В.* Поэтика русского журнала 1830-х–1870-х гг. М., 2005.
5. *Макеев М. С.* Николай Некрасов: поэт и предприниматель (очерки о взаимодействии литературы и экономики). М., 2008.
6. *Манчестер Л.* Поповичи в миру: духовенство, интеллигенция и становление современного самосознания в России. М., 2015.
7. *Митропольский А. С.* «Реэстр книг, читанных мною...»: Круг чтения Н. А. Добролюбова 1849–1853 гг. и первые литературные опыты. Нижний Новгород, 1991.
8. *Паперно И.* Семиотика поведения: Николай Чернышевский — человек эпохи реализма. М., 1996.
9. *Печерская Т. И.* Разночинцы шестидесятых годов XIX века: феномен самосознания в аспекте филологической герменевтики: мемуары, дневники, письма, беллетристика. Новосибирск, 1999.

10. Шмид В. Нарратология. М., 2003.
11. *Berman Russell A.* Between Fontane and Tucholsky: Literary Criticism and The Public Sphere in Imperial Germany. New York; Berne; Frankfurt on the Main, 1983.
12. *Hohendahl P. U.* The Institution of Criticism. Ithaca, 1982.
13. *Klioutchkine K.* Between Ideology and Desire: Rhetoric of the Self in the Works of Nikolai Chernyshevskii and Nikolai Dobroliubov // Slavic Review. 2009. Vol. 68. No. 2. P. 335–354.

REFERENCES

1. *Berman Russell A.* Between Fontane and Tucholsky: Literary Criticism and The Public Sphere in Imperial Germany. New York; Berne; Frankfurt on the Main, 1983.
2. *Bograd V. E.* Zhurnal «Sovremennik». 1847–1866: Ukazatel' sodержaniya. M.; L., 1859. (In Russ.)
3. *Hohendahl P. U.* The Institution of Criticism. Ithaca, 1982.
4. *Klioutchkine K.* Between Ideology and Desire: Rhetoric of the Self in the Works of Nikolai Chernyshevskii and Nikolai Dobroliubov // Slavic Review. 2009. Vol. 68. No. 2. P. 335–354.
5. *Makeev M. S.* Nikolaj Nekrasov: Poet i predprinimatel' (ocherki o vzaimodejstvii literatury i ekonomiki). M., 2008. (In Russ.)
6. *Manchester L.* Popovichi v miru: duhovenstvo, intelligenciya i stanovlenie sovremennogo samosoznaniya v Rossii. M., 2015. (In Russ.)
7. *Mitropol'skij A. S.* «Reestr knig, chitannyh mnoyu...»: Krug chteniya N. A. Dobrolyubova 1849–1853 gg. i pervye literaturnye opyty. Nizhnij Novgorod, 1991. (In Russ.)
8. *Paperno I.* Semiotika povedeniya: Nikolaj Chernyshevskij — chelovek epohi realizma. M., 1996. (In Russ.)
9. *Pecherskaya T. I.* Raznochincy shestidesyatyh godov XIX veka: fenomen samosoznaniya v aspekte filologicheskoy germenevтики: memuary, dnevniki, pis'ma, belletristika. Novosibirsk, 1999. (In Russ.)
10. *Shmid B.* Narratologiya. M., 2003. (In Russ.)
11. *Vdovin A. V.* Dobrolyubov: raznochinec mezhdum duhom i plot'yu. M., 2017. (In Russ.)
12. *Vozhik E. I.* «Pseudorealizm» i «dagerrotipizm»: k voprosu o yazyke literaturnoj kritiki rubezha 1840–1850-h gg. // Tekstologiya i istoriko-literaturnyj process: VII Mezhdunarodnaya konferenciya molodyh issledo-vatelej. M., 2018. S. 62–76. (In Russ.)
13. *Zykova G. V.* Poetika russkogo zhurnala 1830-h–1870-h gg. M., 2005. (In Russ.)